

ПОСЛЕДНИЙ ГОСТЬ

РОМАН

ПОСЛЕ ДВУХ
ЧАСОВ НОЧИ
ЛЮДИ ГОВОРЯТ
ПРАВДУ

БУДЬ
ДОБРЕЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИНОГДА ОДНОЙ НОЧИ ДОСТАТОЧНО,
ЧТОБЫ ИЗМЕНИТЬ ВСЁ

18+

Александр Покутний

Последний гость

«Автор»

2026

Покутний А.

Последний гость / А. Покутний — «Автор», 2026

Есть ночи, после которых ничего не меняется. А есть одна, после которой лучше не задавать вопросов. Бармену тридцать два. За его спиной двенадцать лет за стойкой, несбывшиеся планы и жизнь, которая незаметно стала похожа на чужую. Этой ночью ему остаётся только закрыть бар, досчитать кассу и наконец уйти домой. Но один гость всё ещё сидит за столиком. Он не пьян. Не торопится. Не представляется. И почему-то говорит с барменом так, будто знает о нём больше, чем должен. Постепенно обычная ночная смена превращается в разговор о вещах, которые люди предпочитают обсуждать только с собой: о любви, одиночестве, выборе, вине, смерти и о том, почему некоторые желания исполняются тогда, когда они уже почти не нужны. За окнами спит город. Стрелки часов продолжают двигаться. Пока ещё. «Последний гость» — история об одной ночи, одном баре и встрече, которую очень легко принять за случайность. Если, конечно, случайности вообще существуют.

© Покутний А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава I. После закрытия	6
Глава II. Виктор	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Покутний

Последний гость

Пролог

Все самые важные разговоры в моей жизни происходили после двух часов ночи. До двух люди еще пытаются казаться собой. После двух они начинают случайно говорить правду.

Я работаю барменом уже двенадцать лет. За это время я видел, как мужики плакали в писсуар, чтобы друзья не заметили. Видел, как девчонка с идеальным макияжем пила текилу так, будто хотела прожечь себе пищевод. Видел, как двое дрались из-за женщины, которая уже полчаса сосалась с третьим.

Люди вообще очень смешные. Они думают, что приходят в бар пить алкоголь. Но нет. Алкоголь можно купить в магазине в три раза дешевле. В бар приходят покупать свидетеля.

Бармен — это единственный человек, которому можно рассказать про свою жизнь и не чувствовать себя обязанным потом поздравлять его с днем рождения.

Я давно понял одну вещь. Человек не боится умереть. Человек боится, что никто не заметит, что он вообще жил. Поэтому люди разговаривают, пишут книги, заводят детей, выкладывают сторис, набивают татуировки, женятся, разводятся, покупают дорогие машины, спорят в интернете.

Все это — один большой способ оставить отпечаток ладони на запотевшем стекле вселенной.

«Я был здесь».

Только вот стекло постоянно запотеваает снова и снова.

В тот вечер бар уже закрывался. Я перевернул стулья. Протер стойку. Выключил половину света. По старой привычке налил себе двадцать граммов виски, хотя давно перестал понимать его вкус. После тысячи бутылок алкоголь становится не напитком, а температурой.

За окном шел дождь.

Такой дождь, который не льет, а будто долго и терпеливо стирает город ластиком. В дверь постучали.

Не громко. А будто человек заранее был готов к тому, что ему не откроют. Я посмотрел на часы.

Тринадцать. Самое честное время суток.

Открыл. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти.

Хотя нет. Через секунду мне показалось, что ему сорок. Потом семьдесят. Потом вообще невозможно было определить возраст. Есть лица, которые стареют. А есть лица, которые просто долго существуют.

На нем была самая обычная одежда. Такая обычная, что через минуту ты уже не сможешь вспомнить, какого цвета была куртка.

Он улыбнулся.

Глава I. После закрытия

Есть люди, которые после закрытия бара становятся свободнее.

Официанты распускают фартуки, повара наконец снимают кители, администратор перестает улыбаться так, будто ему за это доплачивают отдельно, а бармен получает возможность включить музыку, которую действительно хочет слушать.

Есть и другая категория людей.

Они ближе к закрытию почему-то начинают работать еще больше.

Я относился ко второй.

— Вы всегда так тщательно это делаете? — спросил мужчина.

Я посмотрел на него.

Он сидел на крайнем стуле у стойки, положив руки перед собой. Пальцы были сцеплены спокойно, без напряжения. Куртку он снял и повесил на спинку соседнего стула, хотя обычно люди бросают одежду куда придется, а потом удивляются, почему рукав оказался в разлитом пиве.

Перед ним стоял стакан воды.

Я сам его поставил минут десять назад.

Он сделал два глотка.

Именно два.

— Что именно?

— Протираете стойку.

Я посмотрел на тряпку в своей руке.

Потом на стойку.

— Она грязная.

Мужчина наклонился вперед и внимательно осмотрел дерево.

— Где?

— Везде.

— Я ничего не вижу.

— Поэтому вы гость, а я бармен.

Он улыбнулся.

Я провел тряпкой еще раз.

На самом деле стойка действительно была почти чистой. Несколько круглых следов от бокалов, пара капель воды возле мойки, едва заметная липкость там, где часа полтора назад какая-то девушка разлила апероль и попыталась исправить ситуацию салфеткой.

Люди вообще очень любят исправлять разлитые напитки салфетками. Это почти никогда не помогает, но они начинают яростно размазывать жидкость по столу, увеличивая площадь катастрофы примерно в четыре раза, после чего смотрят на тебя с выражением человека, который сделал все возможное.

Особенно хорошо работает с пивом. Если разлить двести миллилитров пива и достаточно быстро начать возить по нему салфеткой, можно получить около квадратного метра липкого стола. Наверное, существует какая-нибудь формула. Я никогда не считал.

— А вы давно работаете барменом? — спросил он.

— Давно.

— Это сколько?

Я пожал плечами.

— Достаточно, чтобы перестать считать.

— А здесь?

— Здесь не очень.

Он кивнул, будто получил исчерпывающий ответ. Мне это понравилось.

Обычно после такого люди зачем-то продолжают:

«А где раньше работал?»

«А почему ушел?»

«А нравится?»

«А сколько зарабатываешь?»

Особенно последний вопрос. Человек может не знать твоего имени, но через пять минут знакомства почему-то уже готов выяснять размер твоей зарплаты, количество бывших женщин и отношение к ипотеке.

Мужчина ничего не спросил.

Я бросил тряпку в мойку и пошел вдоль бутылок. После смены бар выглядел иначе. При гостях он всегда был немного театром. Свет бил в бутылки сзади, и дешевые сиропы становились похожи на витражи. Стекло блестело. Лед звенел. Музыка смешивалась с голосами, смехом, кофемолкой, шейкерами и вечным:

— Девушка, а можно счет?

Даже если за стойкой стоял я.

Иногда мне хотелось отвечать:

— Можно, девушка.

Но профессионализм — это в том числе способность не реализовывать каждую хорошую идею.

После закрытия декорации оставались, а спектакль заканчивался. Свет становился слишком ярким. Музыка — слишком тихой. Стулья стояли неправильно.

На стеклянной витрине проступали отпечатки пальцев, которых днем будто не существовало. В мойке лежал один забытый стрейнер. Под кофемашиной обнаружилась кофейная крошка. Барные коврики пахли смесью джина, лимона, пива и тяжелого человеческого дня.

Холодильники гудели. Ледогенератор иногда вздрагивал и сыпал очередную порцию льда в бункер, хотя никто уже ничего не заказывал.

За окном шел дождь. Не ливень. Обычный затяжной дождь, которому явно некуда было торопиться.

Вода медленно ползла по витрине, собиралась в толстые дорожки и искажала улицу за стеклом. Светофор напротив превращался в красное пятно, потом в зеленое, потом снова в красное.

Машин почти не было.

Я посмотрел на мужчину.

Он смотрел на улицу.

Странный был тип.

Не в плохом смысле.

Я за годы работы видел достаточно странных людей, чтобы слово «странный» окончательно потеряло для меня отрицательный оттенок.

Однажды мужчина минут сорок объяснял мне, почему голуби являются частью системы городского видеонаблюдения. Он говорил вполне убедительно. После третьего виски я даже начал сомневаться.

В другой раз женщина принесла с собой маленький камень и попросила поставить рядом с ним второй бокал вина. Камень, как выяснилось, звали Аркадий. Она заплатила и за него. После этого я перестал осуждать чужие отношения.

Но этот мужчина был странным иначе. Он не делал ничего странного. Вот что меня раздражало.

Обычная одежда. Темные брюки. Рубашка. Ничего дорогого, ничего дешевого. Лицо, которое я почему-то не мог нормально запомнить, хотя смотрел на него уже несколько раз.

Я хорошо запоминал людей. Не лица. С лицами у меня бывало по-разному. Я мог через неделю не вспомнить, был человек блондином или брюнетом, зато помнил, что, когда он рассказывал о своей жене, три раза повернул обручальное кольцо вокруг пальца. Мог забыть цвет платья девушки, но вспомнить, что перед первым свиданием она заказала сухое белое, посмотрела, что заказал мужчина, и сразу поменяла его на пиво.

Люди слишком много говорят телом. Особенно когда стараются ничего не сказать. Этот почти ничего не говорил. И телом тоже. Сидел спокойно. Не проверял телефон. Не осматривал бутылки. Не смотрел на дверь. Не постукивал пальцами. Не качал ногой. Не пытался поймать мой взгляд каждый раз, когда хотел заговорить. Просто ждал.

Я достал из холодильника открытую бутылку тоника, посмотрел на остаток и вылил в раковину.

— Жалко, — сказал мужчина.

— Тоник?

— Да.

— Вы сентиментальны.

— Просто не люблю, когда что-то выбрасывают.

— Тогда работа в общепите убила бы вас за неделю.

— Много выбрасываете?

— Достаточно, чтобы человек, который придумал фразу «хлеб всему голова», пришел сюда и устроил стрельбу.

Он засмеялся.

Негромко.

Хорошо.

Не из тех людей, которые показывают, что оценили шутку, ударом ладони по стойке и криком: «Бля, хорош!». Таких я тоже любил, но не в три часа ночи.

Я ополоснул бутылку и поставил ее к пустому стеклу.

— А почему не оставить на завтра?

— Газ выйдет.

— И?

— И завтра какой-нибудь человек заплатит деньги за джин-тоник, а получит сладкую воду с депрессией.

— Вы переживаете за него?

— За тоник.

Он снова улыбнулся.

Я открыл холодильник.

Проверил бутылки.

Закрыл.

Через пару секунд открыл еще раз.

Мужчина это заметил.

— Что-то забыли?

— Нет.

— Тогда зачем второй раз?

— Проверил, закрыт ли.

— Вы только что его закрыли.

— Я знаю.

— И уже не доверяете себе?

Я посмотрел на него.

— Вы пришли поговорить или разрушить мою психику?

— Я пока выбираю.

— Тогда виски эффективнее.

Я взял несколько бокалов и понес их к мойке. Он проводил меня взглядом. Это я тоже заметил. Вообще мне не нравилось, когда за мной наблюдали.

Звучит смешно, учитывая профессию.

Бармен большую часть жизни проводит буквально на сцене размером три на четыре метра, где любой желающий может смотреть, как ты работаешь, ешь, пьешь воду, проверяешь телефон, режешь лимон и пытаешься незаметно поправить трусы.

Но одно дело — когда человек просто смотрит в твою сторону. Другое — когда он наблюдает.

Я чувствовал разницу. Этот наблюдал.

— Что? — спросил я.

— Ничего.

— Вы смотрите.

— Вы тоже.

Я замер с бокалом в руке.

— Это моя работа.

— Смотреть на людей?

— В том числе.

— Интересная работа.

— Вы никогда не работали с людьми?

Он подумал. Вот именно подумал. Не сделал вид.

Большинство людей отвечает на простой вопрос сразу. Даже если ответа еще нет. Им не нравится тишина между вопросом и ответом. Кажется, будто пауза делает их глупее.

Этот молчал секунд пять.

— Работал, — наконец сказал он.

— И?

— Сложно.

— Значит, работали.

Он тихо рассмеялся.

Я поставил бокал в мойку.

— Чем занимались?

— Много чем.

— Прекрасный ответ.

— Вы тоже сказали, что давно работаете барменом.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что я за стойкой. Здесь правила устанавливаю не я.

— Удобно.

— Ради этого люди и идут в профессию.

— Я думал, ради любви к напиткам.

— Это первые полгода.

Я включил воду. Теплая струя ударила по стеклу. В пустом баре вода звучала громче музыки. Я уменьшил напор.

— А потом? — спросил мужчина.

— Потом ты понимаешь, что любовь к напиткам вообще плохо связана с работой бармена.

— Почему?

— Потому что бармен работает не с напитками.

— А с чем?

— С людьми.

Я сказал это совершенно автоматически и только потом понял, что прозвучало чуть глубже, чем планировалось.

Поэтому добавил:

— А напитки просто приходится таскать.

— Тяжелые?

— Люди тяжелее.

Он опять усмехнулся.

— Особенно после закрытия?

— Особенно перед.

Я начал мыть бокалы. Стекло привычно скользило в руках.

За годы у меня появилась странная уверенность в том, что бокал можно удержать практически из любого положения. Он мог выскользнуть из мокрых пальцев, удариться о край мойки, начать падать — рука все равно ловила его раньше, чем я успевал испугаться.

Иногда.

Иногда он разбивался нахуй.

И тогда вся многолетняя профессиональная грация превращалась в совок и веник.

Я поставил чистый бокал сушиться. Мужчина смотрел на мои руки. На костяшках и пальцах белели старые шрамы. Большинство появилось еще до того, как я впервые встал за стойку. Детство вообще оставило на мне довольно много мелких автографов. Я заметил его взгляд. Он сразу посмотрел на мое лицо. Не отвел глаза в сторону, как делают люди, которых поймали. Просто сменил точку внимания.

— Дрались? — спросил он.

Я посмотрел на руки.

— В детстве.

— Часто?

— Достаточно, чтобы сейчас считать драки очень переоцененным способом коммуникации.

— Помогало?

— Конечно. Особенно хорошо помогает понять, что у другого человека тоже есть кулаки.

Он кивнул.

Я вытер руки полотенцем.

— А вы?

— Что я?

— Дрались?

— Было.

— Вы не похожи.

— А вы похожи?

Я посмотрел на свое отражение в зеркале за бутылками.

Лысая голова. Короткая темная борода, которую уже пора было снова подравнивать. Еще несколько дней — и вместо легкой небрежности появится та самая бомжеватость, которая после тридцати почему-то развивается значительно быстрее, чем мудрость. Под левым глазом темнел маленький лотос. Шея уходила в черную футболку. В целом человек, увидевший меня ночью в темном переулке, вряд ли первым делом захотел бы спросить дорогу до библиотеки.

— Справедливое замечание, — сказал я.

Мужчина улыбнулся.

Я снял барный коврик, под ним обнаружилась лужица воды.

Конечно.

Она всегда там.

Можно вытереть бар насухо, перекрыть воду, вызвать шамана, прочитать молитву Посейдону — утром под ковриком все равно будет вода.

Я протер ее.

Мужчина наблюдал.

— Вы не торопитесь домой?

Вопрос был обычный, но почему-то я посмотрел на часы.

Тринадцать.

Я нахмурился и вспомнил, что уже смотрел на них совсем недавно.

Наверное.

Дома меня ждали.

Не человек.

Собака. Что, если подумать, иногда значительно надежнее.

Человек может сказать, что скучал по тебе, а потом три часа сидеть в телефоне. Собака встречает так, будто ты вернулся с войны, даже если вышел вынести мусор. Я представил, как он лежит где-нибудь возле двери или занял кровать целиком, несмотря на собственные весьма скромные габариты.

Стало немного стыдно.

— Тороплюсь, — сказал я.

— Но не выгоняете меня.

Я посмотрел на мужчину.

— Вы мешаете?

Он оглянулся вокруг.

— Не знаю.

— Вот и я пока не решил.

— Значит, выбираете?

— Что?

— Поговорить со мной или разрушить мою психику.

Я усмехнулся.

— Быстро учитесь.

— У меня было много времени.

Я машинально поднял глаза. Он уже смотрел на стойку.

Обычная фраза.

Совершенно обычная.

Так можно было сказать о возрасте. О жизни. О скучной работе. О долгой дороге. О чем угодно.

Я снова взял тряпку.

— Вы пить все-таки будете?

— А что посоветуете?

— Не знаю. Что любите?

— А что обычно пьют люди в три часа ночи?

— Ошибки.

Он посмотрел на меня. Я вздохнул.

— Простите. Профессиональная деформация.

— Нет, мне нравится.

— Тогда у нас огромный выбор. Ошибок на любой вкус. Есть выдержанные, есть игристые, есть двенадцатилетние шотландские. Некоторые утром особенно хорошо раскрываются.

— А без ошибок?

— Вода.

Он посмотрел на свой стакан.

— Разумно.

— Поэтому её реже заказывают.

Мужчина взял стакан и сделал третий глоток. Небольшой. Поставил точно на то же место. Я заметил.

Конечно заметил.

Потом прошел вдоль стойки и начал разворачивать бутылки этикетками вперед.

Одна.

Вторая.

Третья.

Бурбон стоял чуть криво.

Поправил.

Рядом джин.

Поправил.

Ликер кто-то засунул не на свое место.

Переставил.

— Зачем? — спросил мужчина.

— Что?

— Этикетки.

— Чтобы утром было красиво.

— Но утром вы снова их возьмете.

— Да.

— И они снова будут стоять неровно.

— Да.

— Тогда зачем сейчас?

Я посмотрел на него.

— Вы дома кровать заправляете?

Он немного подумал.

— Иногда.

— Зачем? Вы же вечером снова в нее ляжете.

— Хороший аргумент.

— Спасибо.

— Но я не говорил, что заправлять кровать имеет смысл.

Я остановился.

— Слушайте, а вы опасный человек.

— Почему?

— Еще минут десять — и мы придем к тому, что посуду тоже можно не мыть, потому что из нее снова будут есть.

— Можно есть руками.

— Выйдите из моего бара.

Он рассмеялся.

Я тоже.

И впервые с того момента, как он вошел, мне стало немного проще. Не спокойнее. Именно проще, как бывает с незнакомым человеком, когда наконец находишь правильную дистанцию для разговора.

Не друг.

Не клиент.

Не собеседник пока даже.

Просто человек на другом конце стойки, которому можно сказать какую-нибудь ерунду и не думать, что она означает.

Я закончил с бутылками.

Отошел на шаг.

Посмотрел.

Теперь все стояло правильно.

Почти.

Я поправил бурбон еще на пару миллиметров.

— Так лучше? — спросил мужчина.

— Значительно.

— Я не вижу разницы.

— Поэтому вы гость.

— А вы бармен.

— Наконец-то.

За окном проехала машина. Шины разрезали воду на дороге, и на несколько секунд по витрине пробежал белый свет фар. Я увидел в стекле наше отражение.

Себя — за стойкой.

Его — напротив.

Между нами рядами стояли бутылки. Отражение получилось странным: будто мы находились не внутри бара, а где-то за стеклом и смотрели оттуда на пустое помещение. Я отвернулся первым.

— Музыка не мешает? — спросил я.

— Нет.

— Могу поменять.

— Вам нравится?

Я прислушался.

Тихо играл какой-то старый рок. Я включил плейлист еще во время уборки и уже перестал замечать музыку.

— Нравится.

— Тогда зачем менять?

— Гость всегда прав.

— Это правда?

— Нет. Но фраза красивая.

— А как на самом деле?

Я сложил грязные полотенца в пластиковый контейнер.

— Гость имеет право быть неправым в комфортной обстановке.

Мужчина рассмеялся.

— Хорошее правило.

— Мое.

— Давно придумали?

— Секунд семь назад.

— Тем более.

Я закрыл контейнер. Оставалось не так много. Касса. Кофемашина. Пол. Проверить холодильники еще раз, потому что я все равно проверю их еще раз, сколько бы незнакомцев ни ставили под сомнение мое психическое здоровье. И можно домой.

Я снова посмотрел на часы.

Тринадцать.

На этот раз задержал взгляд чуть дольше.

Секундная стрелка двигалась.

Наверное.

Я не стал всматриваться.

— Вы часто работаете ночью? — спросил мужчина.

— Постоянно.

— Привыкли?

— К ночи — да. К людям — нет.

— Они меняются ночью?

Я задумался.

Вопрос мне понравился.

— Нет, — сказал я. — Скорее устают.

— И?

— Уставшему человеку сложнее изображать человека, которым он хочет казаться.

Мужчина медленно провел большим пальцем по стеклу стакана. Первое лишнее движение за весь разговор. Я отметил это машинально.

— Поэтому вам нравится работать ночью?

— Я не говорил, что мне нравится.

— Но вы много лет это делаете.

— Люди много лет делают вещи, которые им не нравятся.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Зарплата.

Он улынулся.

Я тоже. Вот так мне нравилось больше. Без великих вопросов. Без ответов на устройство мира. Просто два человека в закрытом баре обсуждают работу, пока один из них моет бокалы, а второй почему-то не уходит.

Я взял его стакан.

— Еще воды?

— Да, пожалуйста.

Налил. Поставил перед ним. Он посмотрел на воду. Потом на меня.

— А вы никогда не думали сменить работу?

— Конечно.

— На что?

Я открыл рот и тут же закрыл. Обычно на такие вопросы у меня было слишком много ответов.

Писать.

Рисовать.

Снимать.

Делать мультфильмы.

Выучить несколько языков.

Однажды мне вообще казалось вполне реалистичным одновременно стать писателем, мультипликатором, путешественником и человеком, который просыпается в семь утра без желания умереть.

Последнее оказалось самым фантастическим.

— На что-нибудь нормальное, — сказал я.

— Например?

— Не знаю.

— Значит, бар вам нравится.

— Я этого не говорил.

— Но и уйти не знаете куда.

— Вы неприятно разговариваете для человека, которому я бесплатно наливаю воду.

— Могу заплатить.

— Тогда продолжайте.

Он улыбнулся.

Я взял полотенце и начал протирать бокал. Медленно. Хотя он уже был сухой.

— Иногда нравится, — сказал я через некоторое время.

Мужчина ничего не ответил и это снова было правильно.

— Иногда ненавижу, — добавил я.

Он кивнул.

— Иногда за одну смену успеваю и то и другое.

— Из-за людей?

— Обычно.

— А сегодня?

Я вспомнил вечер.

Пару на первом свидании, которая первые сорок минут разговаривала исключительно о путешествиях, хотя было очевидно, что оба последний раз выезжали дальше области года три назад. Мужчину, который дважды попросил сделать коктейль «покрепче», а потом удивился счету. Компания девушек. Одна весь вечер смеялась громче остальных, а потом минут пять плакала в туалете и вышла оттуда с совершенно нормальным лицом. Парень у окна, который каждые тридцать секунд проверял телефон. Никто ему так и не написал.

— Нормально, — сказал я.

— Просто нормально?

— Лучший вид смены.

— Почему?

— Когда очень хорошо — обычно случится какая-нибудь хуйня.

Мужчина поднял брови.

— А когда плохо?

— Хуйня уже случилась.

Он засмеялся. На этот раз громче.

Я поставил бокал на полку. Дождь продолжал стекать по витрине. Холодильник за моей спиной выключился, и на несколько секунд бар стал почти совершенно тихим. Я услышал только музыку, воду в трубах, дождь и дыхание человека напротив.

Странно, насколько большим становится помещение, когда из него уходят люди. Еще пару часов назад здесь было тесно. Теперь между мной и дверью помещалась целая ночь.

— А вы? — спросил я.

— Что я?

— Вы сказали, что работали с людьми.

— Да.

— И что в них самое сложное?

Он посмотрел на меня.

Не сразу ответил.

Я уже знал, что он так делает, поэтому продолжил вытирать стойку.

— Они редко хотят того, о чем просят, — сказал он.

Я поднял глаза.

— Это сейчас про бар?

— А какая разница?

— Большая. Если человек просит пиво, обычно он хочет пиво.

— Всегда?

Я хотел ответить.

Но вспомнил слишком много людей.

Тех, кто приходил «просто выпить».

Тех, кто садился возле стойки, хотя в зале были свободные столы.

Тех, кто говорил, что совершенно не хочет обсуждать развод, и через восемь минут показывал фотографии бывшей жены.

Тех, кто заказывал еще один коктейль не потому, что хотел пить, а потому, что дома никто не ждал.

Тех, кто, наоборот, слишком долго сидел здесь именно потому, что дома ждали.

Я посмотрел на мужчину.

Он спокойно пил воду.

— Почти всегда, — сказал я.

Он улыбнулся.

Едва заметно.

Меня это почему-то задело.

— Только не начинайте, — сказал я.

— Что?

— Вот это.

— Что именно?

— Загадочно улыбаться после обычных фраз. У меня был преподаватель, который так делал. Казалось, будто он знает тайну мироздания. Потом выяснилось, что он просто не высказывается.

— Я постараюсь.

— Спасибо.

Я снова посмотрел на часы.

Нахмурился.

Потом достал телефон.

Экран загорелся.

3:17.

Я несколько секунд смотрел на цифры.

— Что-то не так? — спросил мужчина.

— Нет.

Я убрал телефон. Наверное, показалось. После ночных смен время вообще начинает вести себя как мудака. Два часа могут пройти за пятнадцать минут, а последние двадцать минут уборки способны длиться до следующего геологического периода.

Я взял кассу.

Мужчина отвернулся к окну.

Я начал считать деньги.

Раз.

Два.

Три.

Сбился.

Начал заново.

Не люблю, когда со мной разговаривают во время подсчета.

Он молчал.

Я досчитал.

Сумма сошлась.

Это всегда маленькая победа.

Не такая, чтобы звонить родителям или открывать шампанское, но достаточная, чтобы на секунду почувствовать себя человеком, который контролирует хотя бы один аспект собственной жизни.

Я закрыл кассу.

— Все? — спросил мужчина.
— Почти.
— И сколько длится ваше «почти»?
— В баре?
— Да.
— Обычно минут сорок.
— А сегодня?
Я посмотрел вокруг.
Все было готово.
Почти.
Разумеется.
Всегда оставалось это «почти».
Еще одна тряпка.
Еще один бокал.
Еще одна бутылка.
Еще раз проверить холодильник.
Еще раз посмотреть на витрину.
Еще одна мелочь, которая позволяла не выключать свет и не выходить под дождь.
Я вдруг понял, что не тороплюсь заканчивать.
Хотя дома ждала собака.
Хотя я устал.
Хотя завтра — точнее, уже сегодня — мне снова нужно было жить свою совершенно
обычную жизнь.
Я посмотрел на мужчину.
Он не торопил.
Не просил налить.
Не просил рассказать.
Не пытался объяснить мне ничего важного.
Просто сидел.
И, кажется, впервые за весь разговор я не пытался понять, зачем.
— Минут десять, — сказал я.
— Хорошо.
— А потом придется уходить.
— Конечно.
Я взял тряпку.
— Обоим.
Он посмотрел на меня.
— Разумеется.
Я кивнул и снова начал протирать уже чистую стойку. Я провел тряпкой от одного края
стойки до другого. Потом обратно. На третий раз понял, что мужчина смотрит на меня.
— Даже спрашивать не буду, — сказал он.
— И правильно.
— Она уже чистая.
— Я знаю.
— Тогда зачем?
— А вот теперь уже спрашиваете.
Он улыбнулся и снова взял стакан.

Воды осталось примерно половина. Пил он медленно, маленькими глотками. Не потому что растягивал напиток — воду вообще сложно растягивать с достоинством, — скорее просто не испытывал необходимости что-то делать руками.

Большинство людей испытывает.

Особенно когда остается один на один с незнакомцем.

Телефон, сигарета, стакан, меню, салфетка, ложка — человеку обязательно требуется маленькое алиби для рук. Даже если поговорить он пришел добровольно, тело все равно ведет себя так, будто его вызвали к директору.

Мужчине алиби не требовалось.

Я положил тряпку на край мойки.

— Вы сказали, что пришли поговорить.

— Сказал.

— Пока в основном говорю я.

— Вы недовольны?

Я задумался.

— Нет.

— Тогда все идет хорошо.

— Отличная техника разговора.

— Рабочая.

— Дорого берете?

— Сегодня бесплатно.

— Уже подозрительно.

Он посмотрел на меня с легким интересом.

— Вы никому не доверяете?

— С чего вы взяли?

— Вы несколько раз называли подозрительным то, что вам ничего не стоит.

— Это не недоверие. Это жизненный опыт.

— Есть разница?

— Конечно.

— Какая?

— Недоверие — это когда думаешь, что тебя хотят наебать. Жизненный опыт — когда знаешь это наверняка, но просто еще не понял как.

Мужчина рассмеялся.

Я открыл посудомоечную машину. Оттуда пахло горячим влажным воздухом. На секунду запотели очки одной из бутылок на нижней полке — вернее, если бы у бутылок были очки, они бы точно запотели. Я устал. Я вытащил корзину. Бокалы были горячими. Некоторые бармены берут их сразу, не обращая внимания. Я тоже когда-то брал. Потом пару раз обжег пальцы и вспомнил, что эволюция вроде как дала человеку способность учиться. Поставил корзину на край.

— А почему бар? — спросил мужчина.

— Что бар?

— Почему вы стали барменом?

Вот этот вопрос я слышал много раз. Обычно его задавали люди, которые считали профессию чем-то вроде остановки между университетом и настоящей жизнью.

«А вообще кем хочешь стать?»

«А образование есть?»

«А дальше что?»

Словно бармен обязательно должен куда-то дальше.

Как подросток.

Или заболевание.

Я посмотрел на него.

Но никакого снисхождения в лице не было.

Просто вопрос.

— Случайно, — сказал я.

— Совсем?

— Почти все важное начинается случайно.

Он чуть поднял бровь.

— Вы сейчас сами философствуете.

— Не привыкнуть бы.

Я взял один из горячих бокалов за ножку.

— Работал когда-то с кофе. Потом с алкоголем. Потом понял, что умею это лучше, чем множество вещей, которыми хотел заниматься.

— Какими?

— Вы настойчивый.

— Вы уходите от ответа.

— Я бармен. У нас это называется сервис.

— А я думал, сервис — это отвечать на вопросы.

— Нет. Сервис — это сделать так, чтобы человек был доволен, даже если ты на его вопрос не ответил.

— И у вас получается?

— Вы пока сидите.

Он посмотрел вокруг.

— Возможно, мне просто некуда идти.

Фраза прозвучала буднично.

Без трагедии.

И именно поэтому я задержал на нем взгляд.

Он не изменился в лице. Не посмотрел в окно. Не опустил глаза. Не сделал ничего из того, что обычно делают люди, когда случайно говорят о себе чуть больше, чем собирались.

Может, я придумал. Такое тоже случалось. Наблюдательность легко перепутать с привычкой приписывать окружающим внутреннюю жизнь, о которой они тебя не просили.

— Всем есть куда идти, — сказал я.

— Уверены?

— Нет.

— Тогда зачем сказали?

— Чтобы разговор не завис.

— Вы не любите паузы?

Я посмотрел на него.

— А вы любите?

— Иногда.

Он замолчал.

Вот просто взял и продемонстрировал.

Я усмехнулся и начал доставать бокалы.

Один.

Второй.

Третий.

Пауза действительно не была неприятной. Это меня удивило.

С некоторыми людьми молчание появляется в комнате как третье лицо, которому никто не рад. Все сразу начинают судорожно искать тему: погода, работа, цены, пробки, чья-нибудь свадьба, чья-нибудь смерть, лишь бы не слышать собственное дыхание.

С ним молчать было нормально.

Мне это не понравилось еще сильнее, чем его вопросы.

Я расставил бокалы на полке.

— Допустим, — сказал он наконец, — вы могли бы завтра проснуться и заниматься чем угодно. Деньги не проблема. Обязательств нет. Что бы вы выбрали?

— Спать дальше.

Он засмеялся.

— После сна.

— Завтрак.

— После завтрака.

— Вы очень плохо понимаете, как устроен выходной.

— Хорошо. После завтрака.

Я прислонился бедром к тумбе.

Хотелось ответить какой-нибудь очередной ерундой. Это был удобный рефлекс. Если вопрос приближался к чему-то личному, можно было кинуть перед ним шутку и посмотреть, споткнется ли. Мужчина, кажется, не спотыкался.

— Писал бы, наверное, — сказал я.

— Что?

— Книги.

Он не удивился. Почему-то это немного обидело.

— Почему «наверное»?

— Потому что человек, который хочет писать книги, обычно пишет книги.

— А вы не пишете?

— Иногда.

— Значит, пишете.

— Иногда — это прекрасное кладбище для человеческих амбиций.

— Сильная формулировка.

— Я ее украду для книги.

— У кого?

— У себя.

— Это законно?

— Пока не поймают.

Я взял еще один бокал. На стекле осталась капля. Провел по ней полотенцем.

— Еще хотел рисовать, — добавил я.

— Хотели?

— Хотел.

— Уже нет?

— Вы любите прошедшее время?

— Вы его используете.

Я посмотрел на него.

Снова.

Он не давил и от этого давил сильнее.

— Хотел делать мультфильмы, — сказал я. — Анимацию. Всякое такое.

— И?

— И работаю барменом.

— Это я вижу.

— Вот и вся история.
— Короткая.
— Зато без провисаний во втором акте.
Он не сразу понял шутку.
Потом улыбнулся.
— Вы любите кино.
Это прозвучало не вопросом.
— Люблю.
— Как книги?
— По-разному. Но да.
— Многие считают кино чем-то попроще.
— Многие считают виски с колой преступлением. Я давно перестал ориентироваться на общество.
— А это преступление?
— Смотря какой виски.
— Хороший?
— Тогда да.
— Плохой?
— Тогда кола оказывает первую помощь.
Он засмеялся.
Я убрал полотенце.
Окинул взглядом рабочую зону.
Теперь оставался пол.
Это я ненавидел.
В баре существует четкая иерархия работ после закрытия.
Мыть красивые бокалы — почти медитация.
Расставлять бутылки — порядок.
Считать кассу — тревога.
Мыть пол — напоминание, что какое бы количество коктейлей ты ни научился готовить, в конце вечера все равно возьмешь швабру.
Я достал ведро.
Мужчина посмотрел на него.
— Сейчас вы скажете, что пол тоже чистый? — спросил я.
— Я ничего не говорил.
— Но подумали.
— Вы умеете читать мысли?
— Нет. Лица проще.
— Мое читаете?
Я поднял взгляд.
— Плохо.
Он явно заинтересовался.
— Почему?
Вот теперь вопрос был мой любимый.
Не потому что хороший.
Потому что ответа не было.
Я налил воду в ведро.
Добавил средство.
Запах химии моментально перебил остатки кофе, лимона и алкоголя.
— Не знаю, — сказал я.

— Такое часто бывает?

— Нет.

— Вас это беспокоит?

— Уже да.

— Почему?

— Потому что теперь вы выглядите довольным.

Он действительно выглядел довольным.

Не самодовольно.

Скорее так, как человек, которому подтвердили маленькую гипотезу.

— Может быть, у меня просто простое лицо.

— Не льстите себе.

— То есть сложное?

— Вот видите. Уже пытаетесь получить комплимент.

— От бармена в три часа ночи?

— У людей бывают странные потребности.

Я поставил ведро на пол.

— Ноги.

Он посмотрел вниз.

— Что?

— Поднимите ноги.

— Вот так?

Он поставил ступни на нижнюю перекладину стула.

— Идеально.

Я провел шваброй под ним.

— Никогда еще разговор со мной не требовал такой координации.

— У нас премиальный сервис.

— Чувствуется.

Я шел от одного конца стойки к другому.

Пол блестел под светом.

На нем обнаруживались обычные археологические находки вечерней смены: кусочек салфетки, две пластиковые трубочки, половинка арахиса, монетка в десять рублей.

Я поднял монету.

— Богатство, — сказал мужчина.

— Еще лет двадцать, и можно будет закрыть ипотеку.

— Есть ипотека?

— Нет.

— Тогда быстрее.

Я сунул десятку в стакан для мелочи.

— Вы задаете много вопросов для человека, который пришел поговорить.

— Мне казалось, это связано.

— Не обязательно. Некоторые прекрасно разговаривают, вообще ничего не спрашивая.

— Вы их любите?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда они обычно рассказывают о себе.

— А вы не любите слушать людей?

Я остановил швабру.

— Люблю.

— Но?

— Смотря людей.

— Как выбираете?

Я усмехнулся.

— Вы точно нигде не работали следователем?

— Нет.

— Психологом?

— Нет.

— Священником?

Он чуть заметно улыбнулся.

— Тоже нет.

— Тогда у меня заканчиваются профессии, где принято задавать вопросы и не отвечать на свои.

— Бармен.

Я замолчал.

Он указал взглядом на меня.

— Бармен тоже подходит.

— Ладно. Один-ноль.

Я продолжил мыть пол. За витриной дождь усилился. Не сильно. Просто теперь отдельные капли уже нельзя было различить: стекло покрылось движущимся слоем воды, и город за ним окончательно расплылся. Светофор снова сменил цвет.

Красный.

Потом...

Я отвернулся.

— А зачем люди рассказывают вам личное? — спросил мужчина.

— Потому что пьяные.

— Все?

— Нет.

— Тогда почему?

Я отжал швабру.

— Не знаю. Наверное, потому что меня можно больше никогда не увидеть.

— Удобно.

— Очень. Я как платная исповедь, только вместо отпущения грехов даю чек.

— И помогает?

— Чек?

— Рассказать.

Я пожал плечами.

— Иногда.

— Вы запоминаете?

— Что?

— То, что вам рассказывают.

— Много.

— Даже спустя годы?

— Некоторые вещи.

— Например?

Я собирался ответить абстрактно.

Не получилось.

В голове сразу появились лица.

Мужчина лет сорока, который пришел отпраздновать рождение дочери и весь вечер говорил, как боится быть похожим на собственного отца.

Девушка, сообщившая мне, что изменяет мужу, а потом минут двадцать объяснявшая, почему это совершенно не считается.

Парень, который заказал одну рюмку водки после звонка из больницы.

Женщина, ждавшая человека, который так и не пришел.

Старик, каждую пятницу заказывавший два бокала коньяка, хотя приходил один.

Все это оставалось где-то во мне.

Ненужный архив чужих жизней.

— Например, — сказал я, — однажды мужик три часа рассказывал мне, что разводится из-за кота.

— Из-за кота?

— Да.

— Чьего?

— Вот с этого и началась проблема.

Мужчина улыбнулся.

— Он был жены?

— Изначально ничей. Они подобрали его вместе.

— Тогда почему развод?

Я прислонился к швабре.

— Потому что жена считала, что кот больше любит ее. Муж считал, что кот любит его.

Потом жена сказала, что заберет кота при разводе.

— Они уже собирались разводиться?

— Нет.

— Подождите.

Он выпрямился.

— То есть они начали обсуждать гипотетический развод из-за того, кому достанется кот, и в итоге реально решили развестись?

— Вот теперь вы понимаете людей.

Мужчина рассмеялся.

— И чем закончилось?

— Кот остался у ее матери.

— Почему?

— Потому что они оба снимали квартиры, где нельзя с животными.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Это ужасная история.

— По-моему, великолепная.

— Они помирились?

— Нет.

— А кот?

— Насколько я знаю, счастлив.

— Значит, единственный разумный участник.

— Он первым вышел из отношений.

Мужчина покачал головой.

— И вы такое помните.

— Такое сложно забыть.

— А серьезные истории?

Я поставил швабру обратно в ведро. Вопрос прозвучал легко, но я снова почувствовал тот же прием. Он словно сначала открывал дверь шуткой, а потом предлагал посмотреть, что за ней.

— Их тоже, — сказал я.

— Почему?
— Потому что люди думают, что если рассказали что-то незнакомому человеку, история исчезла.
— А она остается у вас.
Я пожал плечами.
— Наверное.
— Тяжело?
Я посмотрел на него.
Вопрос почему-то раздражил.
— Нет.
— Уверены?
— Да.
— Хорошо.
И все.
Он отступил.
Не стал копать.
Не сказал: «Мне кажется, вы избегаете ответа».
Не принял выражение лица человека, который сейчас разгадает мою детскую травму.
Просто сказал:
— Хорошо.
И отпил воды.
Я закончил пол.
Вылил грязную воду.
Сполоснул ведро.
Поставил швабру на место.
Теперь действительно было почти все.
Я прошел к кофемашине.
Провел пальцем по поддону.
Чисто.
Проверил холдеры.
Чисто.
Поставил чашки ровнее.
— Это уже болезнь, — сказал мужчина.
— Что?
— Чашки.
Я посмотрел на них.
— Они стояли криво.
— На два миллиметра?
— Минимум на три.
— Простите.
— Ничего. Не все обладают глазомером.
— Вам сложно дома?
— Почему?
— Там тоже все должно стоять ровно?
Я усмехнулся.
— Дома бармена нет.
— То есть беспорядок?
— Творческий.
— Это слово придумали люди, которым лень убираться.

— Именно поэтому оно гениальное.

Я выключил часть света. Бар сразу изменился. Бутылки потеряли часть блеска. Темные углы стали глубже. Витрина превратилась почти в зеркало. Теперь я видел себя отчетливее.

И мужчину.

Он продолжал сидеть на том же месте. Странно, но я все еще не мог определить его возраст. Сначала мне показалось, что ему около пятидесяти. Теперь — меньше. Лет сорок с чем-то. Хотя в момент, когда он молчал и смотрел в окно, лицо почему-то становилось старше. Не морщинистее. Просто старше. Я решил, что устал.

— Вы так и не заказали ничего, — сказал я.

— Мне достаточно воды.

— Первый человек в истории бара, которого невозможно монетизировать.

— Вам обидно?

— Очень. Я уже представлял, что именно на вашей покупке построю финансовую империю.

— Один напиток?

— Надо начинать с малого.

— Тогда налейте себе что-нибудь.

Я замер.

— Себе?

— Да.

— За ваш счет?

— Можно.

— Вот это уже деловой разговор.

Я открыл холодильник.

Посмотрел внутрь.

Пиво.

Вода.

Соки.

Тоники.

Мог налить себе что угодно.

Не хотелось.

Я взял бутылку воды.

— Поддержу вашу концепцию вечера.

— Хороший выбор.

— Самый маржинальный.

Открыл.

Сделал несколько глотков прямо из бутылки.

Потом поймал его взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Опять это «ничего».

— Просто вы налили мне воду в стакан.

— Вы гость.

— А себе пьете из бутылки.

— Я бармен.

— Очень удобная система.

— Я предупреждал.

Мы замолчали. Где-то в глубине бара щелкнул холодильник. Музыка закончила одну песню, началась другая. Я не узнал ее сразу. Что-то спокойное.

Гитара.

Голос.

Дождь.

В такие моменты закрытый бар действительно становился хорошим местом. Наверное, поэтому я столько лет и не уходил окончательно. Днем мне почти всегда хотелось чего-то другого.

Писать.

Рисовать.

Снимать.

Учить языки.

Уехать.

Начать заново.

Стать кем-нибудь.

А ночью, когда последние люди расходились, стулья пустели и оставался только запах дерева, кофе, алкоголя и мокрой улицы, возникало странное чувство, будто я уже на своем месте.

Хотя бы до утра.

Я допил воду.

— Ну что, — сказал я. — Все.

Мужчина посмотрел на меня.

— Закончили?

Я оглянулся.

Бутылки стояли ровно.

Кофемашина была чистой.

Мойка пустой.

Пол еще блестел от воды.

Касса закрыта.

Холодильники...

Я подошел к первому.

Открыл.

Закрыл.

Ко второму.

Открыл.

Закрыл.

— Теперь все, — сказал я.

— Уверены?

Я бросил на него взгляд.

— Еще одна шутка про холодильник — и ночевать будете здесь.

— Звучит не так страшно.

— Это потому что вы не слышали ледогенератор в шесть утра.

Я взял куртку со спинки стула за стойкой.

Посмотрел на его куртку.

И тут я заметил кое-что, чего раньше почему-то не заметил.

Она была сухой.

Совершенно.

Я посмотрел на витрину.

По стеклу текла вода.

На улице лило уже довольно сильно.

Потом снова посмотрел на его куртку.

Возможно, он успел обсохнуть.
В баре тепло.
Да и вошел он не минуту назад.
Ничего странного.
Я выключил еще один ряд света.
— Куда вам? — спросил я.
— В смысле?
— Такси вызвать?
— Нет, спасибо.
— Пешком пойдете?
— Немного пройдусь.
Я снова посмотрел на дождь.
— Очень здоровый образ жизни.
— Мне нравится дождь.
— Люди, которые говорят, что любят дождь, обычно любят смотреть на него из окна.
— А вы?
— Я люблю дождь, когда у меня выходной, доставка еды и нет собаки, которую нужно выгуливать.
— У вас собака?
Я кивнул.
— Какая?
— Джек-рассел.
— Тогда вы точно торопитесь.
Я посмотрел на него.
— Почему «точно»?
— Они не славятся терпением.
— Это мягко сказано.
Я представил морду, которая встретит меня дома.
Сначала счастье.
Потом возмущение.
Потом срочное требование выйти на улицу, где он сам же через три минуты решит, что дождь является нарушением его конституционных прав.
Я улыбнулся.
Мужчина заметил.
— Любите его.
— Да.
Ответ получился слишком быстрым, чтобы прятать его за шуткой.
— Животных проще любить, — добавил я.
— Почему?
— Они хотя бы не делают вид, что не понимают, зачем пришли.
Он посмотрел на меня чуть дольше обычного.
— А люди делают?
— Постоянно.
— Вы тоже?
Я взял ключи.
Покрутил кольцо на пальце и посмотрел на мужчину.
Он все еще сидел.
Куртка висела на соседнем стуле.
Стакан воды перед ним был почти пуст.

— Ну что, — сказал я. — Кажется, пора.

— Вам?

— Нам.

— Вы меня выгоняете?

— Я предпочитаю формулировку «мягко направляю в сторону выхода».

— Звучит почти заботливо.

— Сервис.

Он посмотрел на дверь.

Потом на окно.

За стеклом шел дождь.

Теперь уже хороший.

Тот самый, под который нормально попадать только в кино, потому что киногерой после него красиво сидит на кухне с мокрыми волосами, а обычный человек потом два дня сушит кроссовки газетой.

Мужчина снова посмотрел на меня.

— Вы очень хотите домой?

Я хотел автоматически ответить «да».

Уже даже вдохнул.

Но почему-то не сказал.

Дома меня действительно ждали.

Собака.

Кровать.

Душ.

Холодильник, в котором почти наверняка не было ничего, что хотелось бы съесть в четыре утра.

Еще дома меня ждала та особенная тишина, которую начинаешь замечать только после нескольких лет жизни с другим человеком.

Раньше тишина была просто отсутствием звука.

Теперь у нее была мебель.

Я сунул ключи обратно в карман.

— Не настолько, чтобы бежать под дождем.

Мужчина кивнул.

— Тогда, может быть, еще немного посидим?

Я посмотрел на него.

— Вы понимаете, что бар закрыт?

— Да.

— Совсем закрыт.

— Я заметил.

— То есть сейчас вы не клиент.

Он чуть улыбнулся.

— А кто?

— Вот это хороший вопрос.

— А вы?

— Что я?

— Если бар закрыт, вы сейчас кто?

Я скрестил руки на груди.

— Человек, который хочет домой.

— Но не идет.

— Потому что какой-то мужик сидит у меня за стойкой и задает вопросы.

— Значит, все-таки бармен.

— Вы очень хотите оставить за собой последнее слово?

— Нет.

— Уже лучше.

Я достал ключи еще раз.

Положил на стойку.

Не потому что решил остаться, а наоборот чтобы показать, что собираюсь домой. Мужчина проследил за этим движением. Разумеется, заметил.

— Так о чем вы хотели поговорить? — спросил я.

— О людях.

Я выдохнул через нос.

— А поконкретнее нельзя?

— Можно.

Он подумал.

— О тех, кто приходит сюда.

Я посмотрел на пустой зал.

— Сюда конкретно?

— В бары.

— Это очень разные люди.

— Именно.

— И что вас в них интересует?

— Вы.

Я рассмеялся.

— Нихуя себе поворот.

— Я не так выразился.

— Очень надеюсь.

— Меня интересует, что вы о них думаете.

— О людях?

— Да.

Я взял бутылку воды, которую оставил возле мойки.

Открыл крышку.

— Это очень большая тема для человека, который собирался уйти десять минут назад.

— Можем начать с небольшой.

— Например?

Он оглядел бутылки за моей спиной.

— Например, почему они приходят в бар.

— Пить.

— Все?

— Господи.

Я замолчал.

Он посмотрел на меня.

Я посмотрел на него.

— Это выражение, — сказал я.

— Я ничего не сказал.

— Но лицо у вас было.

— Какое?

— Очень довольное.

— Простите.

— Не прощаю.

Я сделал глоток.

— Ладно. Не все приходят пить.

— А зачем?

— Вы же работали с людьми.

— Мне интересно ваше мнение.

— Почему именно мое?

— Потому что вы их наблюдаете.

Я уже собирался ответить очередной шуткой.

Не ответил.

Вопрос был простой.

А ответ почему-то нет.

Я много лет стоял за стойками.

Разными.

Дорогими.

Дешевыми.

Красивыми.

Такими, где бутылка виски стоила больше моей зарплаты.

И такими, где меню было напечатано на листе А4, заламинированном настолько давно, что оно уже выглядело как археологическая находка.

Менялись города внутри одного города.

Менялись владельцы.

Менялись концепции.

Менялись люди за стойкой рядом со мной.

Менялись сами стойки.

А люди перед ними почему-то оставались примерно теми же.

— Иногда выпить, — сказал я.

Мужчина ждал.

— Иногда встретиться с друзьями.

Ждал.

— Иногда познакомиться.

Ждал.

— Иногда потрахаться.

Он чуть поднял брови.

— Что?

— Ничего.

— Взрослые люди. Чего вы ожидали? Совместного чтения Достоевского?

— Я не осуждаю.

— Еще бы.

Я сделал еще глоток.

— Иногда отметить что-нибудь. День рождения. Повышение. Свадьбу. Развод.

— Развод отмечают?

Я посмотрел на него.

— Еще как.

— Весело?

— По-разному.

— Вы отмечали?

Вот теперь он попал.

Не сильно.

Так, пальцем в синяк.

Я поставил бутылку.
— Мы говорили о гостях.
— Хорошо.
И снова отступил.
Мне начинало казаться, что он умеет делать это намеренно.
Подходить к двери.
Проверять ручку.
Но не открывать.
— Иногда люди приходят чтобы не домой идти, — сказал я.
Он чуть наклонил голову.
— То есть?
— Просто не хотят возвращаться.
— Почему?
— Потому что дома жена.
— Это плохо?
— Смотря чья.
Он засмеялся.
— Или муж. Или родители. Или никого.
— Никого тоже может быть причиной?
Я посмотрел на него.
— Особенно никого.
На этот раз никто не улыбнулся.
Холодильник включился за моей спиной.
Низкий гул заполнил паузу.
Я взял полотенце и зачем-то поправил его на краю мойки.
Уже чистое.
Уже сложенное.
Просто рукам понадобилась работа.
Вот и вся профессиональная наблюдательность.
На других я замечал это мгновенно.
У себя — только когда уже сделал.
— Иногда человеку просто надо посидеть среди людей, — сказал я. — Даже если он ни с кем не разговаривает.
— Чтобы не быть одному?
— Наверное.
— Помогает?
— Пока сидит — иногда.
— А потом?
Я пожал плечами.
— Бар закрывается.
Мужчина медленно кивнул.
Я посмотрел на часы.
Тринадцать.
На этот раз даже не удивился.
Просто решил, что надо заменить батарейку.
— А у вас были постоянные гости? — спросил он.
— Конечно.
— Много?
— В разных местах по-разному.

— Запоминали всех?
— Нет.
— Но некоторых.
— Некоторых сложно забыть.
Он взял стакан и посмотрел на остаток воды.
— Например?
Я усмехнулся.
— Вы сейчас хотите, чтобы я начал рассказывать байки из бара?
— А почему нет?
— Потому что половину нельзя рассказывать без согласия участников, а вторая половина звучит как уголовное дело.
— Тогда расскажите безопасную.
Я подумал.
Перед глазами почему-то первым возник Виктор.
Конечно Виктор.
Некоторые люди не входят в память.
Они туда заселяются.
Виктор появился в одном из баров, где я работал, года четыре назад.
И первое, что я о нем запомнил, — он никогда не заказывал то, что хотел.
Вообще никогда.
— Был один, — сказал я.
— Кто?
— Виктор.
— Ваш друг?
— Нет.
— Хороший знакомый?
— Нет.
— Тогда кто?
— Постоянный.
— И чем он запомнился?
Я улыбнулся.
— Тем, что однажды бросил пить.
Мужчина посмотрел на бутылки.
Потом на меня.
— И?
— Восемь раз.
— За сколько лет?
— За один.
Он засмеялся.
— Это уже талант.
— Вы еще ничего не знаете.
Я потянулся к полке.
Задумался.
Взял два низких стакана.
Один поставил перед ним.
Другой перед собой.
— Вода? — спросил мужчина.
— Не налейте.
Я налил ему еще.

Себе тоже.

— Значит, Виктор, — сказал он.

— Значит, Виктор.

Я сел на стул с внутренней стороны стойки.

Редкое ощущение.

Бармены почти никогда не сидят за своей стойкой.

Не потому что запрещено.

Просто существует странная психологическая граница.

С одной стороны стойки сидят люди.

С другой — ты.

И если работаешь достаточно долго, начинаешь воспринимать это почти как устройство мира.

Я вытянул ноги.

Спина сразу напомнила, что мне тридцать два и весь день я провел стоя.

— Виктор был человеком будущего, — сказал я.

— В каком смысле?

— Он практически не жил в настоящем.

— Уже интересно.

— Не торопитесь. Сначала он просто пил пиво.

Я посмотрел на пустой зал.

И почему-то очень отчетливо вспомнил первый вечер, когда увидел его.

Другой бар.

Другой свет.

Другая стойка.

Лето.

Открытые окна.

И мужчина, который сел передо мной, положил телефон экраном вниз и сказал:

— Последнее.

Я тогда еще не знал, что это было первое из множества последних.

Виктор был из тех людей, которые выглядят так, будто у них все в целом нормально.

Это отдельный человеческий тип.

Не хорошо.

Не плохо.

Нормально.

Работа есть.

Квартира есть.

Машина есть.

Кредит тоже есть, чтобы жизнь не показалась слишком односторонней.

Здоровье пока позволяет не читать состав продуктов.

Родители живы.

Друзья иногда звонят.

Есть даже абонемент в спортзал, который лежит в приложении и каждый месяц напоминает о существовании человека, которым ты мог бы стать.

В тот вечер Виктор сел у стойки около девяти.

— Пиво, — сказал он.

— Какое?

— Любое светлое.

Я назвал два варианта.

Он выбрал более дешевое.

Не потому что экономил.

Я это понял позже.

Просто Виктор почти всегда выбирал второй вариант, если ему давали два.

Первый требовал решения.

Второй позволял согласиться.

Я налил.

Поставил перед ним.

Он сделал большой глоток.

Выдохнул.

— Последнее, — сказал он.

— Закрываемся через пять часов.

— Я не про сегодня.

Я посмотрел на него.

— А.

Вот тут бармен должен понимать важную вещь.

Когда незнакомый мужчина берет пиво и говорит: «Это последнее», существует несколько вариантов.

Он может быть алкоголиком.

Может сидеть на диете.

Может завтра сдавать анализы.

Может проиграть спор.

Может жениться.

Может разводиться.

Может просто хотеть, чтобы ты спросил.

Последний вариант встречается чаще остальных.

— Решили бросить? — спросил я.

Виктор кивнул.

— Все.

Он поднял бокал.

Посмотрел через него на свет.

— Завязываю.

— С алкоголем?

— Вообще со всем.

— С водой тоже?

Он посмотрел на меня.

Я тогда еще был моложе и хуже чувствовал момент, когда шутка нужна человеку, а когда хочется получить бокалом в лицо.

Виктор усмехнулся.

Значит, угадал.

— С этой жизнью, — сказал он.

Вот тут уже я посмотрел внимательнее.

Он заметил.

— Не в том смысле.

— Хорошо.

— Я не самоубийца.

— Еще лучше.

— Просто заебался.

— Обычный вторник.

Он рассмеялся.

— Вот. Именно.

Сделал еще глоток.

— Мне уже дохуя лет.

— Поздравляю.

— С чем?

— Дожили.

— Очень смешно.

— Работа такая.

— И что у меня есть?

Я оглядел его.

— Пиво.

— Кроме пива.

— Телефон.

— Да иди ты.

— А что вы хотите услышать?

Он помолчал.

Вот тогда я впервые увидел эту его привычку.

Перед тем как сказать что-то важное, Виктор всегда проводил большим пальцем по нижней кромке телефона.

Не по экрану.

По чехлу.

Как будто проверял, на месте ли он.

— Я десять лет работаю в одной компании, — сказал он.

— Плохо?

— Нормально.

— Тогда в чем проблема?

— В том, что нормально.

Я кивнул.

Тогда я еще не понял, что эта фраза описывала Виктора лучше любого паспорта.

Нормальная работа.

Нормальная зарплата.

Нормальная квартира.

Нормальная машина.

Нормальные отношения, которые закончились нормально.

Нормальная жизнь.

Настолько нормальная, что однажды человеку становится страшно от мысли, что именно так она и пройдет.

— Я всегда думал, что потом займусь чем-нибудь своим, — сказал он.

— Чем?

— Не знаю.

— Сильный бизнес-план.

— Да пошел ты.

Я улыбнулся.

Он тоже.

— Может, кофейню открою.

— Не открывайте кофейню.

— Почему?

— Я работал с кофе.

— И?

— Не открывайте кофейню.
— Аргумент.
Он допил половину бокала.
— Или уеду.
— Куда?
— Может, в Питер.
— Почему Питер?
— Не знаю.
— Тогда точно в Питер.
— Или в Сочи.
— Вы определитесь хотя бы с количеством дождя.
Он засмеялся.
— Короче, с понедельника начинаю.
— Что?
— Все.
— Очень конкретно.
— Спортзал. Алкоголь убираю. Курить брошу. На работе начну искать варианты. Резюме обновлю. Английский.
Я посмотрел на него.
— Еще медитацию добавьте.
— Кстати.
— Нет.
— Почему?
— Потому что человек, который за один вечер решил бросить пить, курить, сменить работу, переехать, выучить английский, начать спорт и медитировать, к среде возненавидит себя.
Он задумался.
— Почему к среде?
— Во вторник еще будет держаться.
— Я серьезно.
— Я тоже.
Он покрутил телефон.
— Нет. В этот раз реально все.
Я слышал эту фразу тысячи раз.
Не от Виктора.
От всех.
«В этот раз точно».
Человек вообще очень любит проводить границы во времени.
Понедельник.
Первое число.
Новый год.
День рождения.
После отпуска.
Будто календарь обладает моральным авторитетом.
Сегодня можно быть говном, но завтра начинается новая жизнь. У новой жизни всегда почему-то очень плотный график.
— Тогда за новую жизнь, — сказал я.
Виктор поднял бокал.
Задержался.

— Не. Это последнее.

— Точно.

Мы чокнулись его пивом и моим стаканом воды.

Он ушел около одиннадцати.

Оставил хорошие чаевые.

Я о нем почти сразу забыл.

А через два дня он пришел снова.

Сел на то же место.

Положил телефон экраном вниз.

— Пиво.

Я посмотрел на него.

Он посмотрел на меня.

— Даже не начинай.

— Я ничего.

— По лицу вижу.

— Как понедельник?

Виктор снял куртку.

— Перенесли.

— Кто?

— Понедельник.

— Серьезная организация.

— У друга день рождения был.

— В понедельник?

— В воскресенье.

— А сегодня среда.

— Ну после дня рождения два дня выпадают.

— Научно доказано.

— Вот ты доебался.

Я налил ему пиво.

Поставил.

Он выпил.

— Со следующего понедельника, — сказал он.

— Разумно.

— И не смотри так.

— Как?

— Как будто не веришь.

Я пожал плечами.

— Я вам вообще деньги за это получаю.

— За что?

— За пиво.

— А за осуждение?

— Бесплатно.

Он рассмеялся.

Это была наша первая нормальная беседа.

Потом Виктор стал приходить часто.

Не каждый день.

Не каждую неделю даже.

Но достаточно регулярно, чтобы я начал узнавать его куртки по сезонам.

У человека может измениться прическа.

Вес.

Женщина.

Работа.

Политические взгляды.

Но если он три года носит одну и ту же зимнюю куртку, бармен запомнит именно ее.

— И он так и не бросил? — спросил мужчина.

Я вернулся в бар.

В эту ночь.

В этот дождь.

Воду перед собой.

Мужчину напротив.

— Что?

— Пить.

— А. Нет. Бросал.

— Вы же сказали восемь раз.

— Я не шутил.

— И сколько длился рекорд?

— Месяц.

— Неплохо.

— Двадцать восемь дней.

— Все равно.

— Февраль.

Мужчина рассмеялся.

— Вы ужасный человек.

— Виктор сказал то же самое.

— А почему снова начал?

— Отпуск.

— Логично.

— Потом снова бросил.

— Почему?

— После отпуска.

— Еще логичнее.

Я улыбнулся.

За окном гроыхнуло где-то далеко.

Мы оба посмотрели на витрину.

Дождь продолжал идти.

Я вдруг заметил, что уже давно не думаю о том, когда пойду домой.

И почти сразу после этого подумал о собаке.

Чувство вины работает быстрее будильника.

— Мне действительно надо скоро ехать, — сказал я.

— Конечно.

Мужчина сказал это спокойно.

Будто никуда меня не удерживал.

Что, строго говоря, было правдой.

Я сам сел.

Сам налил воду.

Сам начал рассказывать про Виктора.

— Но вы не закончили, — добавил он.

— Что?

— Историю.

— Она длинная.

— Я никуда не спешу.

— А я спешу.

— Тогда короткую версию.

Я посмотрел на него.

— Короткая версия в том, что Виктор все время собирался начать жить.

— А длинная?

Я покрутил стакан.

Ледяной воды там не было, но на внешней стороне все равно осталось несколько капель после мойки. Я провел пальцем по стеклу.

Глава II. Виктор

Виктор никогда не опаздывал к началу новой жизни.

Он просто постоянно переносил дату. И, пожалуй, это было единственное, что он делал с поразительной дисциплиной. После второго понедельника был Новый год. После Нового года — конец зимы. После конца зимы выяснилось, что глупо начинать активно заниматься спортом весной, потому что «нормальную форму к лету все равно уже не сделать». Это Виктор сообщил мне в марте. Двадцать третьего числа. Я дату помнил не потому, что вел дневник чужих поражений, а потому что в тот день у одного из холодильников сдох компрессор и половину смены мы спасали продукты, напитки и собственную психику.

Виктор сидел возле стойки и ел картошку.

— Тогда с осени, — сказал он.

Я высунул голову из-под холодильника.

— Что?

— Спорт.

— Почему с осени?

— Летом смысла нет.

— Почему?

— Жарко.

— А зимой?

— Новый год.

— Весной поздно.

— Ну да.

Я вылез.

— Удобно.

— Ты смеешься, а там логика.

— Я вижу. Очень надежная конструкция. Ни одного свободного сезона.

Он показал мне средний палец и продолжил есть.

К тому моменту мы уже перешли на «ты».

В барах это происходит само. Никто не предлагает. Никто не говорит: «Давайте перейдем на ты». Просто человек приходит достаточно раз, и однажды вместо «вам повторить?» ты спрашиваешь:

— Тебе еще?

А он отвечает:

— Давай.

Все. Отношения официально изменились. Виктор появлялся примерно раз в неделю.

Иногда два. Иногда пропадал на месяц, после чего возвращался и обязательно сообщал, что у него происходили большие перемены. Большими переменами могло оказаться что угодно. Он купил новые кроссовки. Переставил мебель. Удалил приложение доставки еды. Скачал приложение для изучения английского. Однажды сменил заставку на телефоне.

— Горы, — сказал он и показал экран.

— Вижу.

— Знаешь почему?

— Нравятся горы?

Он посмотрел на меня как на ребенка, который совершенно не понимает символизма.

— Это цель.

— Какая?

— Уехать.
— В горы?
— Вообще.
— Очень конкретная цель.
— Ты душевный.
— Я бармен.
— Ты душевный бармен.
Я пожал плечами.
— За конкретику.
Он сделал глоток пива.
— Я серьезно. Все. В этом году точно.
— Куда?
— Посмотрим.
— Когда?
— Ближе к лету.

Было начало февраля. Я уже знал, что произойдет ближе к лету.
Ничего.

Но Виктор этого еще не знал или делал вид. Иногда я думал, что именно в этом и заключался весь механизм. Виктор не был человеком, который не выполняет обещания, он был человеком, который постоянно покупает себе еще немного будущего. Каждый новый план давал ему недели две облегчения. Иногда месяц. В этот период он становился почти счастливым, потому что нынешняя жизнь больше не считалась настоящей. Она превращалась во временную.

Работа раздражает?
Ничего.
Скоро уйду.
Квартира маленькая?
Ничего.
Перееду.
Денег мало?
Ничего.
Найду новую работу.
Отношения не складываются?
Ничего.
Просто сейчас не время.

В настоящем можно было терпеть почти все, если где-то впереди уже жил другой Виктор - подтянутый, зарабатывающий больше, говорящий по-английски, не курящий, пьющий исключительно хорошее вино два раза в месяц и почему-то обязательно бегавший по утрам.

Люди, когда представляют свою лучшую версию, вообще очень любят заставлять ее бегать. Никогда не слышал, чтобы человек сказал:

«Через год я стану лучшей версией себя и буду по утрам лежать».

Хотя это гораздо привлекательнее.

— И вы над ним смеялись? — спросил мужчина.

Я посмотрел на Гостя.

— Мы все над ним смеялись.

— «Мы»?

— Я. Ребята за стойкой. Его друзья.

— Он обижался?

— Нет.

Я немного подумал.

— Почти никогда.

— Почему?

— Потому что сам смеялся громче всех.

Гость провел пальцем по краю стакана.

— Удобно.

— Что?

— Если пошутить над собой первым, остальные уже не смогут сделать это больше.

Я посмотрел на него.

— Вы точно не психолог?

— Вы уже спрашивали.

— Вдруг передумали.

— Нет.

— Хорошо.

Я отпил воды.

Мне не понравилось, насколько точно он описал Виктора, может быть, потому что я слишком хорошо знал этот прием.

— Он был веселым? — спросил Гость.

— Да.

— Счастливым?

— Это разные вопросы.

— Поэтому и спрашиваю.

Я подумал.

Виктор много смеялся. Громко. Охотно. Любил рассказывать истории. У него вообще была хорошая память на всякую хуйню. Кто что сказал восемь лет назад. Как Андрей пьяный потерял обувь на свадьбе. Как начальник однажды пришел на корпоратив с женой и любовницей, потому что произошла какая-то логистическая ошибка уровня греческой трагедии.

Виктор умел рассказать так, что смеялся весь бар. Но я видел его и одного и это совсем другой человек. Постоянных гостей надо наблюдать именно тогда, когда они приходят одни, ведь в компании почти все немного актеры.

Кто-то громче.

Кто-то умнее.

Кто-то опаснее.

Кто-то смешнее.

Кто-то успешнее.

А потом друзья уходят курить, и на тридцать секунд лицо человека возвращается домой. Виктор в такие моменты становился очень спокойным.

Не грустным. Именно спокойным. Смотрел на бутылки, на телефон, в окно.

Однажды так просидел минут десять.

Я тогда спросил:

— Ты чего?

Он будто проснулся.

— А?

— Завис.

— Да так.

— Случилось что?

— Нет.

И улыбнулся. А потом друзья вернулись, и он снова стал Виктором, которого все знали.

— Не знаю, — сказал я Гостю. — Наверное, не был.

— А он сам как считал?

— Вот это у него менялось.

— Как?

— По дням.

Гость улыбнулся.

— Иногда он был абсолютно уверен, что жизнь прекрасна. Иногда говорил, что проебал лучшие годы. Обычно разница между этими состояниями составляла два пива.

— Алкоголь?

— Нет.

Я покачал головой.

— Компания.

Гость посмотрел на меня внимательнее.

— Объясните.

— Когда рядом были его друзья, он будто вспоминал, что у него есть жизнь. Понимаете?

— Думаю, да.

— Потом оставался один — и начинал думать, что надо срочно строить другую.

— А может, обе были настоящими?

Я пожал плечами.

— Может.

— Люди ведь могут быть счастливы и недовольны своей жизнью одновременно.

— Очень удобная человеческая суперспособность.

— Удобная?

— Позволяет страдать даже когда все хорошо.

Гость улыбнулся.

— А когда все плохо?

— Позволяет говорить: «зато могло быть хуже».

Он рассмеялся.

— Тогда действительно удобно.

Я немного покрутил стакан. Кольцо воды осталось на стойке. Я машинально потянулся за салфеткой. Вытер. Поймал взгляд Гостя.

— Молчите.

— Я ничего.

— Вот и продолжайте.

Он поднял руки.

Я вернулся к Виктору.

Самая масштабная его новая жизнь началась после расставания с Леной. С Леной он прожил три года. Я видел ее несколько раз.

Красивая.

Темноволосая.

Смотрела так, будто постоянно немного устала от окружающих, а особенно от Виктора. Впрочем, это могло быть просто мое впечатление. С чужими отношениями вообще надо быть осторожнее. Со стороны человек всегда думает, что все понял за два часа. Кто кого любит. Кто кого использует. Кто кого терпит. Потом проходит несколько лет, и выясняется, что люди внутри отношений понимали происходящее еще хуже.

В первый раз Виктор привел Лену примерно через полгода после того, как стал постоянником.

— Это Лена, — сказал он.

Я кивнул.

— Очень приятно.

Она посмотрела на него.

— А ты меня представляешь бармену?

— Это не просто бармен.

Я поднял палец.

— Осторожно.

— Он знает обо мне больше, чем мама.

— Теперь мне еще менее приятно, — сказала Лена.

Я засмеялся. Она тоже. Мне она понравилась. В тот вечер Виктор практически не пил - два пива за четыре часа. Зато постоянно смотрел на нее и вот это я запомнил.

Не то, как она выглядела.

Не во что была одета.

А как он смотрел.

Люди в начале отношений иногда смотрят на другого человека как на ответ. Сам вопрос они правда обычно сформулировать не могут, но ответ уже нашли.

Лена что-то рассказывала, Виктор смеялся раньше, чем шутка заканчивалась. Она вставала — он смотрел ей вслед. Возвращалась — автоматически немного отодвигал стул, освобождая место. Когда говорил сам, проверял ее лицо после каждой второй фразы. Как будто ее реакция подтверждала, что рассказ действительно смешной.

Я тогда подумал:

Все.

Пропал человек.

Через три года он пришел один. Сел.

Телефон положил экраном вниз. Я поставил перед ним пиво, даже не спрашивая.

Он посмотрел на бокал.

— Сегодня не буду.

Я убрал.

— Что случилось?

Виктор провел пальцем по нижней кромке телефона.

Я сразу понял, что сейчас будет что-то настоящее.

— Мы с Леной разошлись.

— Понял.

Это один из тех моментов, когда бармену лучше не говорить:

«Да ладно».

«Почему?»

«А я говорил».

«Все будет хорошо».

Особенно последнее.

Люди произносят «все будет хорошо» с какой-то удивительной уверенностью, хотя вообще не имеют доступа к будущему.

Может, не будет. Откуда ты знаешь?

Я поставил перед ним воду.

— Водка есть? — спросил он.

— Есть.

— Двойную.

— Ты только что сказал, что не будешь.

— Пиво.

— А.

Я налил. Он выпил. Поморщился.

— Еще.

Налил. Выпил.

— Еще.

— Нет.

Он поднял глаза.

— Почему?

— Потому что ты не умеешь пить водку.

— Это еще почему?

— Ты морщишься как ребенок после микстуры.

— У меня девушка ушла.

— Это не улучшает твою технику.

— Налей.

— Сначала воды.

Он посмотрел на стакан.

— Ты заебал.

— Я стараюсь.

Он выпил воду. Я налил еще одну. Тогда мне казалось, что эта ночь будет обычной историей про расставание. Человек напьется. Расскажет, какая она сука. Через час признается, что любит. Через два часа решит ей написать. Мы отберем телефон. Утром он проснется с похмельем и сообщением, которое все-таки умудрился отправить из туалета.

Классика.

Но Виктор почти не говорил о Лене. Он говорил о себе.

— Знаешь, что самое хуевое? — спросил он.

— Что?

— Она права.

Редкая фраза после расставания. Я даже прекратил протирать бокал.

— В чем?

— Во всем, блядь.

— Это вряд ли.

— Нет. Она сказала, что три года ждала.

— Чего?

Он рассмеялся. Не весело.

— Вот именно.

Я поставил бокал. Виктор смотрел перед собой.

— Я ей все говорил: сейчас с работой разберусь — съедем. Потом повышение дадут. Потом кредит закрою. Потом машину поменяю. Потом отпуск. Потом поженимся.

— А она хотела?

— Чего?

— Пожениться.

— Да.

Он провел пальцем по телефону.

— Наверное.

Пауза.

— Блядь.

— Что?

— Я даже сейчас сказал «наверное».

Я промолчал.

— Она вчера собрала вещи, — продолжил он. — Спокойно так. Без истерики. Самое хуевое, что вообще без истерики.

— Почему самое хуевое?

— Потому что когда человек орет, можно тоже орать.

Он сделал глоток водки. На этот раз почти не поморщился.

— А она просто складывала футболки.

Я хорошо помню эту фразу. Не знаю даже почему.

Может, потому что настоящие расставания вообще редко выглядят как кино. Не обязательно дождь. Крики. Разбитая посуда. «Я ненавижу тебя». Иногда человек просто складывает футболки.

Одну.

Вторую.

Третью.

А другой стоит рядом и постепенно понимает, что его жизнь помещается в действия, которым даже музыка не нужна.

— Я ей сказал: «Давай после Нового года куда-нибудь съездим», — продолжал Виктор.

— И?

— Она засмеялась.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

— Потому что был апрель.

Я невольно усмехнулся. Виктор тоже. Мы оба посмеялись секунд пять. Потом он потерял лицо ладонями.

— Господи, какой я долбоеб.

— Это поправимо.

— Что именно?

— Не знаю. Хотел поддержать.

— Хуево.

— Я не психолог.

— Слава богу.

Он выпрямился и вот тогда Виктор начал новую жизнь по-настоящему.

По крайней мере, именно так мне казалось.

— Все, — сказал он.

Я уже знал эту интонацию.

— Виктор.

— Нет. Не ржи.

— Я молчу.

— Я все понял.

— Хорошо.

— Реально понял.

— Еще лучше.

— Никаких понедельников.

Вот это было новое. Я посмотрел на него.

— Прямо завтра.

— Сегодня.

Он достал телефон.

Было около половины первого.

— Уже сегодня.

— Что именно?

— Все.

Я закрыл глаза.

— Опять «все».

— Нет, подожди. Сейчас конкретно.

Он начал загибать пальцы.

— Завтра звоню по работе.

— Сегодня.

— Сегодня. Да. Обновляю резюме. Записываюсь в зал. Алкоголь — все.

Он посмотрел на рюмку.

— После этой.

— Разумеется.

— Курить бросаю.

— Хорошо.

— И...

Он замолчал.

— Что?

— Я Лену верну.

Вот здесь я ничего не сказал.

Потому что планы про спортзал — это одно. Планы, в которых участвует другой человек,
— совсем другое.

Виктор увидел мое лицо.

— Что?

— Ничего.

— Ты не веришь.

— Не моя работа.

— Верну.

— Хорошо.

— Я изменюсь.

— Хорошо.

— И она увидит.

— Виктор.

— Что?

— Меня не надо убеждать.

Он замолчал. Это была важная пауза.

Он смотрел на меня. Потом на пустую рюмку.

И почему-то я впервые подумал, что все эти годы Виктор действительно никого не пытался обмануть.

Даже себя.

Вот это было самое неприятное.

Каждый раз, когда он говорил «с понедельника», он верил.

Каждый.

Абсолютно.

Не притворялся.

Не лениво отмахивался.

В момент обещания новый Виктор действительно существовал. Проблема начиналась утром.

— И что было дальше? — спросил Гость.

Я снова вернулся в закрытый бар.

Он сидел чуть наклонившись вперед. Впервые за долгое время действительно заинтересованный историей.

— А как думаете?

— Он все сделал.

Я усмехнулся.

- Почему?
- Потому что вы рассказываете так, будто хотите доказать обратное.
- Красиво.
- Я угадал?

Я немного подумал.

- На какое-то время.

Гость улыбнулся.

- Значит, сделал.
- Он обновил резюме.
- Уже неплохо.
- Сходил на четыре собеседования.
- Еще лучше.
- Сменил работу.

Гость поднял брови.

- Правда?
- Да.
- Спорт?
- Купил абонемент.
- Ходил?
- Три месяца.
- Курить?
- Бросил.
- На сколько?
- Почти год.
- Алкоголь?
- Два месяца вообще не пил.
- А Лена?

Вот теперь я замолчал - Гость заметил.

- Не вернулась.
- Нет.
- И он?
- Продолжил.
- Что?
- Все.

Я увидел, что он не понимает.

— Продолжил работать. Тренироваться. Не курить. Через пару месяцев съехал с той квартиры. Купил велосипед. Начал английский.

- Значит, у него получилось.

Я усмехнулся.

- Вот тут становится интересно.
- Почему?
- Потому что примерно через год он снова сидел передо мной.
- Здесь?
- В другом уже месте. Я к тому моменту сменил работу.
- Он вас нашел?

- Город не настолько большой.

Я вспомнил тот вечер. Виктор вошел случайно. Увидел меня. Расплылся в улыбке.

- Ебать.
- Здравствуйте.

— Ты здесь?!

— Нет.

Он подошел и пожал руку через стойку.

Выглядел действительно лучше - похудел, подтянулся, новая стрижка, хорошая куртка и даже лицо будто стало другим.

— Ну что? — спросил я. — Новая жизнь?

Он сел.

— Еще какая.

— Пиво?

Виктор задумался.

— Давай.

Я поднял бровь.

— Что?

— Ничего.

— Я уже могу.

— Разрешили?

— Сам себе разрешил.

Я налил.

Он взял бокал.

Сделал глоток.

— Как дела?

И следующие минут двадцать рассказывал.

Работа лучше.

Денег больше.

Спортзал.

Начал бегать.

Все-таки люди заставляют свою лучшую версию бегать.

Съездил в Турцию.

Первый раз один.

Познакомился там с девушкой.

Не сложилось.

Ничего страшного.

С Леной не общается.

Первое время пытался.

Потом перестал.

— Короче, — сказал он, — все вообще заебись.

— Рад.

И я действительно был рад. Редкое удовольствие — увидеть человека, который столько раз обещал начать жить и наконец начал. Я почти поверил в структуру истории.

Вот человек.

Вот проблема.

Вот событие, которое заставило измениться.

Вот изменения.

Вот результат.

Можно ставить музыку.

Титры.

А потом Виктор допил пиво.

Покрутил бокал.

И сказал:

— Думаю, еще года два здесь поработаю, а потом уже займусь чем-нибудь своим.
Я посмотрел на него.

Он продолжил:

— Сейчас просто деньги нормальные. Глупо уходить. Кредит добыю. Подушку соберу.
Может, квартиру возьму. Потом уже можно рисковать.

Я ничего не сказал.

— Кстати, думаю со следующего месяца английский нормально продолжить. А то забросил немного.

Я продолжал молчать.

— И зал надо снова.

— Забросил?

— Последние месяца два. Работы много.

Он сделал знак повторить. Я взял бокал.

— Еще одно?

— Да.

Налил.

Поставил перед ним. Виктор поднял пиво.

— Но вообще главное — не останавливаться.

— Конечно.

Мы чокнулись. Он выпил. И вот тогда я понял одну вещь про Виктора.

Он действительно изменил что-то.

Скорее сильно.

Работу.

Тело.

Привычки.

Квартиру.

Одежду.

Количество денег.

Даже круг общения.

Но где-то внутри все еще сидел тот же человек, который собирался начать настоящую жизнь чуть позже. Только теперь «чуть позже» выглядело значительно успешнее.

— Вам кажется, что он не изменился, — сказал Гость.

— Да.

— Но вы только что перечислили несколько вещей, которые он изменил.

— Не это главное.

— А что?

Я задумался.

— Не знаю.

Гость улыбнулся.

— Тогда почему уверены?

— Потому что слышал его.

— Что именно?

— «Потом».

Гость замолчал.

Я продолжил:

— Сначала он говорил: потом уйду с работы. Потом бросил старую работу и говорил: потом уйду с новой. Потом говорил: закрою кредит. Закрыл. Потом появился другой. Потом квартира. Потом...

Я остановился.

— Что?

— Ничего.

Почему-то стало неуютно. История про Виктора вдруг перестала быть такой смешной. Потому что я вспомнил собственные «потом».

Когда будет время — начну писать.

Когда станет меньше работы — займусь анимацией.

Когда разгребусь с деньгами.

Когда перееду.

Когда станет спокойнее.

Когда закончится одна проблема.

Потом другая.

Потом...

Я взял стакан. Выпил воды.

Гость смотрел на меня.

— Только не надо, — сказал я.

— Я молчу.

— Именно.

Он отвернулся к окну.

И мне это было даже немного благодарно.

За витриной продолжал идти дождь. По стеклу медленно сползали капли. Одна догнала другую. Соединились. Потекли вниз быстрее.

— Может быть, — сказал мужчина через некоторое время, — Виктор просто любил будущее.

Я усмехнулся.

— Очень романтичная версия прокрастинации.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Что плохого в том, чтобы надеяться, что потом будет лучше?

— Ничего.

— Тогда почему вы над ним смеетесь?

— Потому что это смешно.

— А если благодаря этому он вставал утром?

Я посмотрел на него.

— В каком смысле?

— Вы сказали, что он много раз менял планы. Переносил. Начинал заново. Бросал. Возвращался.

— Да.

— Но продолжал начинать.

Я хотел что-то сказать.

Он не дал.

Не перебил.

Просто закончил мысль раньше.

— Может быть, проблема не в том, что он верил в понедельник.

Гость сделал маленький глоток воды.

— Может быть, понедельник иногда был единственным, во что ему оставалось верить.

Я молчал.

Вот теперь он сказал что-то слишком красивое. И это меня раздражало.

— Хорошая фраза, — сказал я.

— Вам не нравится.

— Не люблю, когда жизнь пытаются оправдать красивой формулировкой.

— Я не оправдываю.

— А что делаете?

— Пытаюсь понять.

— Виктора?

— Вас.

Я посмотрел на него.

Он спокойно поставил стакан.

— Какого хрена меня?

— Вы рассказываете историю о человеке, который постоянно откладывает жизнь, и злитесь на него намного сильнее, чем эта история заслуживает.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно дернулось.

Не боль.

Раздражение.

Хороший защитный механизм.

Злиться всегда удобнее.

— Вы меня анализируете?

— Нет.

— Очень похоже.

— Просто наблюдаю.

Вот сука.

Я рассмеялся. Невольно.

— Ладно. Хорошо сыграно.

Он тоже улыбнулся.

— Значит, Виктор вас раздражал?

— Иногда.

— Потому что напоминал кого-то?

— Да.

— Кого?

Я посмотрел на него.

— Всех.

— Удобный ответ.

— Я учусь.

Он откинулся на спинку стула.

— А что с ним сейчас?

— С Виктором?

— Да.

Я задумался. Последний раз я видел его довольно давно. Он снова куда-то собирался. Кажется, хотел открыть что-то свое. Или уехать. Или жениться. Я уже точно не помнил.

Странно.

От человека в памяти осталось бесконечное движение, хотя большую часть времени он сидел на одном и том же стуле.

— Не знаю, — сказал я.

— Больше не приходил?

— Я сменил бар.

— И вы потерялись.

— Мы и не находились.

— Вы столько о нем помните.

— Это не делает нас друзьями.

— Я не говорил, что делает.

Я провел ладонью по подбородку. Щетина уже начинала колоть пальцы.

— Последний раз он говорил, что собирается открыть небольшой бизнес.

— Какой?

— Не помню. Что-то связанное с машинами.

— И вы думаете, не открыл.

— Думаю, нет.

— Почему?

— Потому что это Виктор.

Гость посмотрел в стакан.

— А я думаю, мог.

— Вы его даже не знаете.

— Именно.

Я усмехнулся.

— Сильный аргумент.

— Вы знаете его прошлое.

— Да.

— И поэтому используете его как доказательство будущего.

Я замолчал. Мужчина чуть пожал плечами.

— А я прошлого не знаю. Поэтому мне проще допустить, что он мог сделать что-нибудь неожиданное.

— Например?

— Открыть бизнес.

— Или не открыть.

— Конечно.

— Тогда какая разница?

— Для Виктора — огромная.

Мы снова замолчали. Мне неожиданно захотелось узнать. Прямо сейчас. Найти его в соцсетях. Написать.

«Ну что, блядь, открыл?»

Я даже потянулся к телефону.

Остановился. Гость заметил.

— Хотите проверить?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда одна из наших версий окажется неправильной.

— Боитесь проиграть?

— Боюсь, что выиграю.

Он посмотрел на меня внимательнее. Я сам удивился сказанному. Пришлось объяснить.

— Если я прав и Виктор ничего не сделал — история остается смешной.

— А если сделал?

— Тогда получается, я несколько лет считал человека идиотом только потому, что он двигался медленнее, чем мне хотелось.

Гость улыбнулся.

— Это вас беспокоит?

— Немного.

— Почему?

— Потому что у меня огромный опыт считать людей идиотами.

Он засмеялся, я тоже, и на этом напряжение немного отпустило.

Я встал.
Сидеть за стойкой оказалось непривычно.
Прошелся.
Взял наши стаканы.
Ополоснул.
Автоматически.
Хотя мы еще не закончили пить.
Гость посмотрел на пустое место перед собой.
— Это намек?

— Привычка.

Я налил воду заново.

— Вот видите, — сказал он.

— Что?

— Начали сначала.

Я посмотрел на стакан.

Потом на него.

— Сейчас вы слишком довольны собой.

— Немного.

Я поставил воду перед ним.

— Не привыкайте.

За окном дождь стал тише. Или мне так показалось. Город за стеклом оставался размазанным, почти акварельным. Я подумал о Викторе. Где он сейчас? Спит. Работает. Пьет где-нибудь пиво. Бегаёт по утрам. Не бегаёт. Женился. Развелся. Открыл бизнес. Снова планирует открыть. Уехал. Остался.

Вариантов было много.

Самое странное — любой из них подходил.

— Знаете, что мне больше всего нравилось в Викторе? — спросил я.

— Что?

Я улыбнулся.

— Он никогда не говорил: «Все. Уже поздно».

Гость не ответил.

— С понедельника — говорил. После Нового года — говорил. После кредита. После отпуска. После расставания. В следующем месяце. В следующем году.

Я пожал плечами.

— Но никогда «поздно».

Мужчина посмотрел на меня и в его лице на секунду появилось что-то странное.

Не улыбка. Не грусть. Скорее узнавание.

— Это немало, — сказал он.

— Может быть.

— Иногда очень много.

Я не стал спорить. Просто посмотрел на дождь. И почему-то впервые за много лет подумал о Викторе не как о человеке, который вечно откладывал жизнь. А как о человеке, который раз за разом позволял себе начать еще раз.

Даже когда выглядел смешно.

Даже когда уже проваливался.

Даже когда окружающие заранее знали, чем все закончится.

Возможно, особенно тогда.

Я сделал глоток воды.

— Все равно восемь раз бросать пить за год — это смешно.

— Безусловно.

— Вот и договорились.

Мужчина улыбнулся.

А я вдруг поймал себя на мысли, что надеюсь: Виктор все-таки открыл тот чертов бизнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.